

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ю.Н. Пасютина (Витебск, ВГУ им. П.М. Машиерова)

**ОБРАЗ ГАННЫ ЧЕРНУШКИ В РОМАНЕ И. МЕЛЕЖА
«ПОЛЕССКАЯ ХРОНИКА»**

Героиню «Полесской хроники» Ганну Чернушку с уверенностью можно назвать ярчайшим трагическим женским характером в белорусской литературе. По мнению В. Смыковской, И. Мележ показал в образе Ганны «жанчыну-паляшучку» не только как воплощение красоты, материнства, но и как «шукальніцу адказаў на складаныя сацыяльныя філасофскія пытанні жыцця» [1, с. 77].

М. Тычина соглашается с данным выводом, добавляя, что Ганна Чернушка – человек нового времени, а Ф. Кулешов подчеркивает, что в конфликте эпохи героине отведена «роль морально ответственного судьи над действиями, делами и поступками людей» [2, с. 171].

И все же характер героини И. Мележа осмыслен лишь частично, главным образом, в связи с аннализом других действующих лиц романов, что доказывает необходимость его дальнейшего изучения. Нам представляется возможным раскрыть образ Ганны Чернушки с точки зрения его принадлежности к одному из выделяемых нами типов романного героя (социоцентрический, индивидоцентрический, персоноцентрический), что позволит сформировать максимально полное представление об изображении героини в «Полесской хронике».

Следует отметить, что существуют характеры, принадлежащие личностям, утверждающим себя наперекор социальным и жизненным обстоятельствам. Это своего рода бунтари. Путь таких героев довольно сложен, что объясняется их метаниями в поисках выхода из сложившейся ситуации, хотя альтернативы в таком случае быть не может: своеобразное горе от ума. Героев подобного типа мы называем персоноцентрическими, т. е. это – *личности*, обладающие определенным набором нравственных и духовных ценностей (т. е. духовностью), способные *мыслить* и развиваться, сочетая в одинаковой мере авторитарные и гуманистические идеалы.

В конце XIX века в России и США, а затем и в других странах сложилось направление философии, признающее личность высшей ценностью, – персонализм (от лат. *persona* – личность), представители которого видели истоки ее в бесконечном едином начале – боге. Для Н.А. Бердяева, Л. Шестова личность – единственный субъект истории и носитель культуры, которому противопоставляется общество, народные массы. Они ратовали за такое мироустройство, в котором бы провозглашалась свобода личности от неограниченной власти общества и государства, потому как человек может утвердиться только с помощью «свободного волеизъявления», преодолевающего «социальные перегородки изнутри его» [3, с. 473]. Тем самым они разделяли понятия «личность» и «индивид», ведь последний – лишь часть общества. Позже Э. Брайтмен и Р.Т. Флюэллинг продолжили разрабатывать теорию личности, опираясь на уже бытующие положения философов.

В литературоведении термин «персонализм» был переосмыслен, получив иное толкование и название «персоноцентризм» (А.Н. Андреев). Человек, по его мнению, дитя природы (природы, т. е. индивид) и культуры (т. е. личность), в котором природное и культурное «живут» вместе, но, если личность – воплощает собой разумное, то индивид – чувственное, бессознательное. В своем развитии культура проходит две стадии: господство авторитарных идеалов (иррациональное) и господство гуманистических идеалов (рациональное), они же являются этапами формирования личности. Персоноцентризм – высшая степень развития культуры, так как ее содержанием является «постепенное высвобождение личности, с одной стороны, из-под власти природы, с другой – из-под гнета социума» [4, с. 79].

Личность в литературоведении – это действующее лицо в художественном произведении, но здесь следует уточнить, что не всякий герой может быть личностью, как и не любая личность – героем. Обратимся к теории А.Н. Андреева, согласно которой в личности «борются» и сосуществуют вместе авторитарные идеалы и гуманистические идеалы. Ориентация на авторитарные идеалы это «ориентация на безличное в личности, содержанием которого становятся сугубо общественные по своему характеру ценностные установки», в то время как гуманистическая (персоноцентрическая) ориентация наблюдается тогда, когда «человек становится независим, становится «мерой всех вещей» [4, с. 79].

Таким образом, герой, сталкиваясь с авторитарными идеалами (например, идеологией окружающего мира), попадает в ситуацию выбора: принять «условия игры» и стать общественным «героем», но не личностью, или отвергнуть – и стать своеобразным изгоем, но сохранить при этом собственное достоинство. Поясним: герой, познавший и авторитарные идеалы, и гуманистические, испытывает трагедию, так как он не может совместить две системы ценностей, ведь одна из них определенно должна преобладать. Человек оказывается в тупике оттого, что, разочаровавшись в прежних ценностных установках, он

ищет новые идеалы, искренне в них верит, но окончательно порвать со старыми представлениями в силу разных причин не может. То есть, герой стремится к познанию культуры, «цель и смысл» которой – «максимально реализовать потенциал, заложенный в личности, предполагает эволюцию духовности личности», однако натура (природа) крепко связывает его по рукам и ногам [5, с. 37].

К подобного типа романским героям (персоналистически ориентированным) можно отнести Ганну Чернушку И. Мележа, в образе которой «адбілася ўяўленне» писателя «пра шчасце, пра каханне, пра самаахвярнасць, чалавечы гонар» [6, т. 8, с. 508].

Интересно, что автор сравнивает Ганну с рябиной – скромная, незаметная, она вдруг разрослась, раскинула свои ветки, неожиданно похорошела, даже самые взыскательные женщины соглашались: «Выспела, нявеста, нічога не скажаш!» [6, т. 5, с. 36]. Кроме того, у нее на все свой «цвёрды погляд», свои «сталыя меркаванні», из-за чего Василь прозвал Ганну «задзірай», «ганарліўкай», однако не смог уберечь свое сердце от ее острых шипов [6, т. 5, с. 37].

Василь и Ганна буквально «жили» свиданиями и мимолетными встречами, наслаждались беззаботным, счастливым, полным надежд и мечтаний, но слишком коротким временем: между влюбленными проползла гадюка, а вместе с ней – недоверие, неприязнь, непонимание. Провел Василь бандитов к Ахрему Грибку, показал дорогу, но только Ганна не смогла его простить за несчастье, которое он принес в другой дом, неудивительно, что противоречия раздирали ее душу.

Возвратившись из тюрьмы, затаил Василь обиду на любимую за ухаживания Евхима, а тут подоспели и сплетни об изнасиловании Ганны Евхимом. Героиня столкнулась с мнением общества, которое, как оказалось, было достаточно весомым для Ганны, в данной ситуации проявились черты социоцентризма в ее характере. Непросто было справиться с такими слухами героине, не покидала тревога, беспокойство, чувствовала себя без вины виноватой, однако где-то в глубине души надеялась, что Василь поверит ей, ведь по-другому просто не может быть. Надежды не оправдались: Василь уверенно заявил, что «дыму без агню не буае», с «гідлівасцю» обозвал ее «багацейкай», «Карчыхай» [6, т. 5, с. 242].

Во время сватовства и свадьбы социоцентрическая направленность характера Ганны показала себя в полной мере: не смогла не выйти к сватам, богатым людям, которым так просто не откажешь, то есть приверженность обычаям одержала победу над разумом девушки. Хотя на какое-то мгновение героиня забыла даже свою гордость: захотелось вновь оказаться с Василем и простить ему его недоверие, но уверенность в том, что любовь – «не бядняцкая ўцеха і не жаноцкая! Кветка дзявочая, пустая, любоў», что Василю «не такую трэба, як яна, – са скрыняй, з набыткам трэба», так как «хацеў бы не беспасажніцу», рассеяла остатки решительности [6, т. 5, с. 253]. Духовные ориентиры Ганны рухнули под напором обстоятельств, пришлось приспособляться к установленному веками порядку, в результате чего социоцентрическая валентность «убила» зачатки персонализма в героине. Примечательно, что И. Мележ будто оправдывает Ганну Чернушку, соглашаясь с несправедливым положением девушки в обществе: «А якая цвёрдасць магла быць, калі здавалася, што хоць усё і нядобра, але – лепш не будзе, такое ўжо шчасце выпала!» [6, т. 5, с. 252].

В романе «Дыхание грозы» мы встречаемся с Ганной через три года летом. Замужняя жизнь «научила» ее «таіцца, хаваць у душы і пакутны боль, і тугу, і надзеі», терпеть «панурацць, і скупасць, і прагнасць» свекров [6, т. 6, с. 227]. Она все еще вспоминает Василя, прежнюю вольную девичью жизнь, но уже не так ясно и отчетливо: не позволяет памяти делать это. Вместо жизнерадостной девушки перед нами подавленная работой женщина, единственную отраду которой, дочь Верочку, погубило равнодушие окружающих: в разгар сенокоса для Халимона Глушака намного важнее внучки оказалось сено, да и невыгодно было ехать в Юровичи к доктору.

Смерть дочери стала началом личного роста Ганны: после стольких лет повиновения она не сдержалась, выразила протест свекру и свекрови, росла в ее душе «нячуласць» до всего, что касалось Глушаков, и то, что до сих пор связывало ее с ними: «пакора, цярплівасць, старанне дагадзіць», «датлела, спапялілася» [6, т. 6, с. 44]. Три года замужества «ўспомніліся Ганне як адзін доўгі-доўгі дзень, як адна бясконца, дурнотная ноч»: тяжелая работа, хлопоты по хозяйству, постылые ласки Евхима [6, т. 6, с. 229]. Чернушка отважилась взять судьбу в свои руки, не желая быть «рабою скнарных ненажэр», «п'явак людскіх», «батрачкай», сказала жесткое «не!» всему тому, что было с ней в прошлом [6, т. 6, с. 230]. Не случайно здесь и описание старой березы, сходство с которой обнаружила героиня: «Вещце яе было ўжо найбольш пасохлае, там і тут ветры абламалі галіны, ствол чарнеў старэчай карою...» [6, т. 6, с. 284]. Береза «дажывала свой век», но героиня, девушка-рябина, только начинала новую жизнь, ведь прежняя – не сложилась по народной мудрости: стерпится – слюбится.

На этот раз Ганна решила руководствоваться своими чувствами и разумом, обрести свою правду – вернуть любовь Василя: и снова свидания, слухи, побои Евхима, но ничто уже не могло остановить героиню, на этот раз она боролась за свое счастье. Только Василь не был готов к любви, потому что традиции, хозяйство, земля оказались для него сильнее: «Куды ён пойдзе, як ён кіне ўсё, чым жыве ўсе дні, цэ-

лыя годы, што набываў такой упартасцю – па крупінцы, па зярнятку – такім трудом, – свету белага не бачачы» [6, т. 6, с. 263].

Судьба будто бы насмехалась: «*тое, што некалі вяло Ганну к Яўхіму, цяпер не пускала да яе Васіля!*» [6, т. 6, с. 300]. Земля – вечная боль крестьянина, главное его богатство, она кормила всю семью, вызывала зависть у неимущих соседей и... одновременно была самой большой трагедией в жизни человека, потому что именно из-за нее ломались судьбы. Непонятно было Василию то, что казалось очевидным для Ганны: «горай як ё, наўрад ці будзе. Горай, здаецца, не бувае», потому как «як ё ў чалавека шчасце, дак і гаспадарка значыць нешто. А як няма – які толк са ўсяго!» [6, т. 6, с. 134].

«Аморальное» поведение героини вызывало раздражение и непонимание социума, такая любовь осуждалась, ибо разрушала те представления, которые прочно обосновались в жизни людей. Однако Ганна, освободившись от оков социотризма, бросила своеобразный вызов обществу: ушла из дома Глушаков, из того мира, который был так ненавистен ей.

В романе «Метели, декабрь» Мележ сталкивает Ганну с Башлыковым, секретарем райкома, которого она рассматривала сначала с уважением и восхищением: «Грамотны. Не нашага поля ягада», «не падобны ні на кога, што бачыла ранней» [6, т. 7, с. 34]. А на собрании отметила, что уж слишком много у него наносного, «ученого», что мешает найти подход к людям, без чего работать с крестьянами невозможно. Вскоре завязались отношения, но только все закончилось, как и началось – неловко, неправильно, не по-человечески. Ганна не стала больше ничего скрывать, поняв, что человек, которого она приняла за кого-то исключительного, не поймет ее, он ей не пара. Смело и решительно сказав, кто ее бывший муж, бросила: «От усё!» и ушла [6, т. 7, с. 239].

Смелость, с помощью которой Ганна Чернушка борется за свою судьбу, – признак персонцентрической направленности характера героини.

В «Полесской хронике» создан характер сильной женщины, которая не побоялась нарушить привычный уклад жизни, боролась за свою любовь, старалась противостоять окружающей действительности. Ганна Чернушка – прежде всего личность, то есть героиня персонцентрически ориентированная, потому как сумела преодолеть огромное количество препятствий, трудностей на пути к счастью, не растеряв при этом главных человеческих качеств – доброты, искренности, чувства собственного достоинства.

Она бросила вызов обществу, всему тому, что накапливалось и процветало веками: произволу, жестоким обычаям, слепой покорности и повиновению, смогла выступить против «абязлічвання», отстоять право «чалавекам звацца», выбрать свой собственный жизненный путь [1, с. 78].

ЛИТЕРАТУРА

1. Смыкоўская, В.І. Творчая канцэпцыя пісьменніка. Задума і яе мастацкае ўвасабленне ў «Палескай хроніцы» І. Мележа / В.І. Смыкоўская. – Мн.: Выд-ва БДУ, 1976. – 111 с.
2. Кулешов, Ф.И. Подвиг художника: Литературный путь И. Мележа / Ф.И. Кулешов. – Мн.: Изд-во БГУ, 1982. – 224 с.
3. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев [и др.]. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
4. Андреев, А.Н. Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество: в двух частях / А.Н. Андреев. – Часть 1. – Минск, БГУ, 2003. – 177 с.
5. Андреев, А.Н. Культурология. Личность и культура / А.Н. Андреев. – Мн.: Дизайн ПРО, 1998. – 160 с.
6. Мележ, І. Збор твораў: у 10 т. / І. Мележ. – Мн.: Маст.літ., 1979.

А.А. Шавель (Минск, БГУ)

ПОСТАБСУРД В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДРАМАТУРГИИ БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Sky is Over.

Серж Танкиан

Acting is much more real than life

O. Wilde

Комедия П. Пряжко «Урожай» (2009) – первая белорусская русскоязычная пьеса, охарактеризованная исследователем как постабсурдистская («В ней редуцируются беккетовские минимализм и амбивалентность, что расширяет традиционные параметры драмы и придает ей высокий ранг условности» [1, с. 197]). В финале данного произведения звучит фрагмент из песни Сержа Танкиана *Sky is Over* («С небом покончено»). Композиция о том, что небо над нашими головами исчезает, растворяется, что бы мы ни